

ВЕДОМЫЕ СВЕТОМ

ПИТЕР СТЭНФОРД

18+

Питер Стэнфорд
Ведомые светом

«Автор»

2026

Стэнфорд П.

Ведомые светом / П. Стэнфорд — «Автор», 2026

Сараево, 1941, 1992 и 2025 годы. Две семьи разных вер спасают друг друга во время войн, а их потомки сталкиваются с новой угрозой — сетью, превращающей ярлыки «секта» и «деструктивный культ» в оружие давления. В 1941 году после нацистской оккупации еврейская семья Кайонов оказывается перед лицом уничтожения. Мусульманская семья Бегичей открывает им двери своего дома, рискуя собственной жизнью. Пятьдесят лет спустя Сараево вновь погружается в войну. Натан Кайон, хирург, спасённый в детстве семьёй Бегичей, лечит каждого независимо от фамилии и веры. В 2025 году Эстер Кайон начинает писать семейную хронику, но её расследование приводит к историческому ревизионизму, псевдонаучному оправданию насилия и технологиям стигматизации. Чёрные списки, экспертные заключения и кампании в СМИ превращают ярлык в средство лишить человека доверия и права на собственный голос. «Ведомые светом» — исторический триллер о человечности, пропаганде, памяти и сопротивлении ненависти.

© Стэнфорд П., 2026

© Автор, 2026

Питер Стэнфорд

Ведомые светом

Это произведение создано как художественный текст. Все действующие лица, обстоятельства, организации и события существуют в пространстве авторского вымысла или даны в художественной интерпретации. Любое сходство с реальными людьми, независимо от того, живы они или умерли, а также с реальными организациями, компаниями и событиями следует считать случайным.

Существует достаточно света для тех, кто хочет видеть, и достаточно мрака для тех, кто не хочет.

Блез Паскаль

Пролог

Бетонные стены подвала содрогались каждые несколько минут. С потолка, прямо на некогда стерильные простыни, сыпалась мелкая серая крошка. Май 1992 года превратил Государственную больницу Сараева в катакомбы: воздух был тяжёлым от пыли, на простынях темнели бурые пятна, а в полумраке между койками то и дело вспыхивали огоньки сигарет.

Натан Кайон стоял над раковиной, подставив руки под тонкую, прерывистую струйку воды. Водопровод не работал уже вторую неделю. Эту воду — дождевую, собранную в пластиковые тазы на крыше под снайперским огнем — кипятили на примусе санитарки. Натан методично тер пальцы жесткой щеткой. Его спина, ссутуленная после четырнадцати часов непрерывных операций, ныла от влажного холода, тянущего из-под бетонного пола.

— Доктор Кайон, генератор снова глохнет, — медсестра Ясна остановилась в дверях, держа в руках стопку перевязочных материалов. Ее белый халат был перепачкан бурыми пятнами на уровне живота — там, куда она прижимала раненых при переноске.

— Переключите операционную на аккумуляторы, оставьте свет только над столом, — голос Натана звучал хрипло, но ровно. Паника в этом подвале была роскошью, которую никто не мог себе позволить.

В этот момент створки дверей приемного покоя, наспех сколоченные из фанеры, с треском распахнулись. Двое мужчин в гражданской одежде, тяжело дыша, втащили носилки. — Аллея снайперов! Минометный обстрел очереди за хлебом! — крикнул один из них, срывая с головы пыльную куртку. — Там еще пятеро раненых остались — машины не могут прорваться!

Натан шагнул к носилкам. На брезенте лежала молодая девушка, ее лицо было покрыто толстым слоем кирпичной пыли, волосы спутались, а на левом бедре и животе расплывалось темное, пульсирующее пятно. Джинсовая ткань превратилась в лохмотья, смешанные с плотью.

— Пульс нитевидный. Давление падает, — бросила Ясна, уже разрезая одежду ножницами. — Осколочное.

Натан склонился над лицом пациентки, чтобы проверить зрачки... и замер. Под слоем грязи и крови он узнал тонкие черты лица, знакомую родинку на щеке. Это была Амина, дочь Фатимы, — девочка, которая выросла на его глазах, лучшая подруга его дочери Эстер. Она из семьи Ходжичей, чьи предки когда-то спрятали его самого, семилетнего испуганного мальчишку, в шкафу от немецких патрулей.

На долю секунды подвал перестал существовать. Натан увидел перед собой не операционный стол, а залитый солнцем двор дома мусульманской семьи в сорок первом, услышал шелест плотной чадры, которой укрывали его мать... — Натан? — Ясна вопросительно посмотрела на хирурга, заметив его оцепенение.

— Готовьте операционную, — Натан Кайон моргнул, отгоняя призраков прошлого. Его голос обрел прежнюю твердость. — Зажимы, хирургическая нить, физраствор. Замените физраствор кипяченой водой с солью, если он закончился. Мы не потеряем ее.

Колесики носилок заскрипели по неровному бетону. Генератор в коридоре кашлянул и затих, погрузив подвал в полумрак. Натан включил налобный фонарик, питающийся от громоздкого автомобильного аккумулятора на поясе. Узкий луч света выхватил из темноты бледное лицо Амины.

Натан шагнул к раковине, чтобы снова ополоснуть руки — уже в спиртовом растворе. Запах спирта ударил в ноздри, перебивая вонь гари, тянущуюся с улицы через вентиляционные шахты.

— Доктор, у нас осталось всего две ампулы морфина, — Ясна говорила быстро, на ходу подготавливая инструменты. Звон стали о металлический лоток эхом разносился по тесному помещению.

— Введите половину дозы, остальное оставьте на случай, если привезут детей, — командовал Натан и подошел к столу.

Хирург взял в руки зажим, работа предстояла ювелирная. Осколок пробил мышечную ткань, чудом не задев крупную артерию, но кровотечение оставалось сильным. Каждый миллиметр движения требовал предельной концентрации.

Снаружи, за заложенными мешками с песком окнами, пылало Сараево. Город, который еще недавно жил единым дыханием, где в одном дворе, на одной улице мирно пили кофе католики, православные, иудеи и мусульмане, теперь был разорван на части искусственно созданной враждой. Натан слишком хорошо знал эту картину — дым над разрушенными кварталами, грохот взрывов и страх, который будто сжимал пространство вокруг. Он помнил всё это с сорок первого года, когда бомбы превратили предприятие его отца в груды дымящегося щебня.

Тогда им помогли: Амар Бегич, дед Амины, просто взял их за руки прямо на заваленной кирпичами улице и увел в свой дом — без лишних вопросов, без сомнений. Для него не существовало разницы между евреем и мусульманином, когда речь шла о человеческой жизни. «Яков — наш брат», — сказал тогда Амар, открывая двери женской половины дома.

Натан сделал первый надрез, аккуратно очищая края раны от обрывков джинсовой ткани и уличной грязи.

— Зажим, еще один, — коротко бросил он.

Ясна подавала инструменты с точностью отлаженного часового маятника. В полутьме ее лицо казалось высеченным из серого камня.

— Пульс выравнивается, — тихо произнесла она, приложив пальцы к шее девушки.

— Хорошо, теперь извлекаем осколок.

Инструмент плотно перехватил зазубренные края. Натан осторожно вытянул уродливый кусок стали, бросив его в эмалированный таз. Звук падения осколка прозвучал резко и звонко, словно вызов той слепой силе, что пыталась их уничтожить.

Они не имеют права сдать — как тогда, в сороковых, когда ради спасения других рисковали собственной жизнью, так и сейчас, когда каждый день стал борьбой за выживание. Спасительная нить, связавшая их семьи десятилетия назад, не должна прерваться здесь, на этом холодном столе.

Натан вытер пот со лба тыльной стороной предплечья и принялся накладывать швы. Луч его фонаря ровно светил в темноте подвала, прорезая мрак так же, как упрямая надежда рассекала отчаяние осажденного города.

Глава 1

Руины и братство

Свинец плавился медленно, стекая густыми, блестящими каплями по искореженным остаткам заводского оборудования. Еще вчера здесь, на окраине делового квартала Сараева, ритмично гудели станки, а из соседней лавки доносился привычный звон чашек и негромкие

голоса посетителей. Теперь в воздухе висела едкая кирпичная пыль, оседая на обломках стен, разбитой мебели и всем, что еще недавно составляло чью-то повседневную жизнь.

Апрельское небо над городом затянуло серой пеленой. Люфтваффе не оставило от улицы ничего, кроме зубчатых, почерневших остовов зданий.

Яков Кайон стоял на коленях в самом центре дымящейся воронки — там, где раньше находился его кабинет. Его некогда безупречный шерстяной костюм превратился в лохмотья, покрытые слоем пепла. Голыми руками он методично, с пугающим упорством отбрасывал в сторону раскаленные обломки кирпичей. Кожа на его ладонях уже покрылась страшными волдырями, ногти были сорваны, но мужчина, казалось, не чувствовал боли. Он искал сейф — железный ящик с документами, закладными, долговыми расписками и свидетельствами о праве собственности — всем тем бумажным фундаментом, на котором строилась respectable жизнь его семьи.

Очередной кусок оплавленной арматуры поддался с хрустом, обжигая пальцы сквозь слой сажи. Яков глухо застонал, но не от физической боли, а от дикого отчаяния, вырывавшегося из самой глубины горла.

Тонкие, испачканные в копоты женские руки решительно легли на его трясущиеся плечи.

— Оставь, умоляю тебя, — голос Луны дрожал, срываясь на хрип. Ее роскошные темные волосы, обычно уложенные волосок к волоску, сейчас спутались и посерели от пыли. Платье на левом плече было разорвано, обнажая кровоточащую царапину.

Она потянула мужа на себя, упираясь коленями в острые камни. Яков попытался вырваться, его глаза лихорадочно блеснули на почерневшем лице.

— Там векселя, Луна! Там списки поставщиков! — выкрикнул он, снова бросаясь к завалу. — Если я не найду их, мы нищие! Понимаешь? У нас ничего нет!

Резкий рывок заставил его потерять равновесие. Луна буквально повисла на муже, обхватив его шею и прижимаясь мокрой от слез щекой к его груди.

— У нас есть мы, — прошептала она прямо ему в ухо, перекрывая отдаленный вой сирен. — Посмотри туда, посмотри на него, Яков.

Тяжело дыша, мужчина перевел расфокусированный взгляд в ту сторону, куда указывала жена.

На краю воронки, прямо на перевернутом, чудом уцелевшем деревянном ящике из-под инструментов, сидел их семилетний сын. Натан не плакал, его маленькое лицо превратилось в неподвижную маску, покрытую ровным слоем белой штукатурки, сквозь которую проложили дорожки две высохшие слезы. Обеими руками мальчик судорожно прижимал к груди тяжелый медный подсвечник — единственную вещь, которую ему удалось вытащить из-под обломков их квартиры на втором этаже, прежде чем рухнули перекрытия. Старинная вещь, принадлежавшая еще деду, казалась нелепой и огромной в детских руках, но Натан вцепился в нее так, будто этот кусок меди был единственным якорем, удерживающим его в рушащемся мире. Подсвечник все еще хранил слабое, едва уловимое тепло их уютной гостиной, и мальчику казалось: пока он держит его, их прошлая жизнь не исчезла окончательно.

Вид застывшего, онемевшего от ужаса сына подействовал на Якова сильнее, чем любые уговоры. Плечи фабриканта бессильно опустились. Он посмотрел на свои окровавленные, обожженные руки, словно видел их впервые, и медленно осел на горячие камни рядом с женой.

Город вокруг них продолжал умирать. Где-то вдалеке рухнула еще одна стена, подняв в небо новый столб густой пыли. Мимо воронки, спотыкаясь и придерживая окровавленные повязки, брели выжившие соседи. Скрип несмазанного деревянного колеса прорезал монотонный гул пожара. Звук был ритмичным, настойчивым и совершенно неуместным среди этого хаоса.

Из-за угла полуразрушенной пекарни показалась массивная фигура. Мужчина толкал перед собой тяжелую деревянную тележку, обычно используемую для перевозки мешков с

мукой. Его широкие плечи были напряжены, а внимательный, цепкий взгляд сканировал руины по обе стороны улицы.

Амар Бегич остановил тележку ровно напротив того места, где раньше сверкала стеклянная витрина магазина сантехники семьи Кайон. На нем был добротный, хоть и припорошенный пеплом костюм, а на голове — традиционная феска, чудом удержавшаяся во время утренних налетов.

Увидев сидящих на камнях Якова и Луну, Амар бросил ручки тележки. Дерево с глухим стуком ударилось о брусчатку.

— Хвала Всевышнему, — выдохнул Бегич, быстро спускаясь по осыпающемуся склону воронки к друзьям.

Его крепкие руки мгновенно оказались на плечах Якова, заставляя того подняться. Амар оглядел раны на руках друга, затем перевел взгляд на Луну и застывшего на ящике Натана. В глазах мусульманина не было ни жалости, ни паники — только решимость человека, привыкшего брать ответственность на себя.

— Амар... — голос Якова надломился. Он попытался отстраниться, стыдясь своего вида, своей слабости, своего внезапного банкротства. — Мой дом... Моя фабрика... Все ушло в землю.

— Камни мертвы, Яков, а вы дышите, — жестко отрезал Амар, снимая со своей шеи чистый хлопковый платок. Он протянул его Луне, чтобы та вытерла лицо. — Я обошел половину квартала — семьи Ковачевичей больше нет, пекарь Илия под завалами. Вы живы, и это единственное, что сейчас имеет значение.

Бегич повернулся к тележке и махнул рукой.

— Поднимайтесь, идем ко мне.

Гордость, уязвленная и кровоточащая, заставила Якова упрямо покачать головой.

— Нет, мы не можем. У меня даже нет целой рубашки, чтобы войти в твой дом, Амар. Мы грязные, мы... мы теперь никто. Я не стану обузой для твоей семьи — завтра найду какой-нибудь подвал, свяжусь с родственниками в Требине...

Тяжелая оплеуха, которой могла бы закончиться эта фраза, повисла в воздухе, но вместо удара Амар просто шагнул вплотную к другу. Его темные глаза сузились.

— Ты оскорбляешь меня в день, когда смерть прошла в дюйме от наших шей, — тихо, но так веско произнес Бегич, что Яков невольно отступил на шаг. — Ты думаешь, наша дружба измеряется свинцовыми трубами и чеками в банке? Ты — мой друг, твоя жена — подруга моей жены, твой сын играет с моей дочерью. Поднимай мальчика, Яков, или клянусь, я заброшу тебя в эту тележку силой.

Спор был окончен. В тоне Амара звучала непререкаемая сила человека, который в момент всеобщей катастрофы стал единственным островком спокойствия и порядка.

Луна первой подошла к сыну, она мягко коснулась его плеча, помогая спуститься с ящика. Натан так и не выпустил подсвечник, его пальцы намертво прикипели к потемневшей меди.

Путь до центральных улиц занял почти час. Деревянные колеса тележки, в которую Амар усадил Натана, с трудом перекатывались через обломки трамвайных путей, куски лепнины и разорванные провода. Город был неузнаваем: Сараево, веками славившееся своим умением сплести культуры, религии и судьбы в один пестрый восточно-европейский ковер, сейчас лежал в руинах.

По мере приближения к району, где жили Бегичи, разрушений становилось меньше. Здесь бомбы легли реже, оставив нетронутыми целые кварталы.

Дом Амара представлял собой традиционную боснийскую постройку, окруженную высоким, совершенно глухим каменным забором. Этот забор веками служил одной цели: защищать внутренний мир семьи от посторонних глаз, свято храня законы шариата и неприкосновен-

ность домашнего очага. Деревянные ворота, украшенные тяжелыми коваными петлями, выглядели как вход в крепость.

Амар толкнул калитку, пропуская гостей вперед.

Внутренний двор встретил их прохладой и непривычной тишиной, которая после воя сирен казалась почти физически ощутимой. Посередине вымощенного белым камнем двора тихо журчал шадрван — небольшой фонтан, вокруг которого в кадках цвели ранние розы. Запах пыли здесь отступал перед тонким ароматом влажной земли и хвои.

Луна инстинктивно одернула остатки своего платья, пытаясь прикрыть обнаженное плечо — она прекрасно знала строгие правила этого дома. Мусульманское жилище было четко разделено на селамлук — мужскую половину, где принимали гостей, и харемлук — женскую половину, куда не имел права ступать ни один посторонний мужчина. За годы их дружбы Яков никогда не переступал порога внутренних комнат, общаясь с Амаром во дворе или в гостевой комнате. Луна же часто бывала на женской половине, наслаждаясь кофе и сладостями в компании Хадиджи и Бахрии.

Она приготовилась забрать Натана и пойти налево, к не приметной двери, ведущей во внутренние покои, оставив мужчин на веранде селамлука. Но Амар не остановился, он уверенно взялся за ручку тяжелой дубовой двери, ведущей прямо в сердце харемлука.

— Амар, стой, — Луна испуганно замерла на месте, схватив мужа за рукав. — Яков не может туда войти. Женщины... они не готовы.

Бегич обернулся, его лицо было спокойным, но в глазах читалась уверенность.

— Заходите, — коротко бросил он, распахивая дверь и пропуская их в просторную, устланную персидскими коврами прихожую. В дальнем конце длинной гостиной, у невысокого столика, заставленного медной посудой, замерли две женские фигуры.

Хадиджа, жена Амара, и Бахрия, жена его брата Мустафы, находились в комнате. Обе женщины были одеты в строгие домашние платья, а при звуке открывающейся двери и тяжелых мужских шагов они мгновенно накиннули на головы плотные черные чадры, скрывшие их лица и плечи. По законам их веры, появление чужого мужчины требовало немедленного сокрытия лица. Ткань лежала тяжело и неподвижно.

Яков неловко переступил с ноги на ногу, оставляя на идеальном ковре серые следы пыли. Ему хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, сбежать обратно на улицу. Вторжение в святая святых чужого дома казалось ему большим преступлением, чем потеря собственной фабрики.

— Амар, ради Бога, отведи меня в гостевую, — прошептал Кайон, опуская глаза в пол. — Я не должен здесь находиться. Бегич закрыл входную дверь, отсекая звуки внешнего мира. Тяжёлый щелчок замка отрезал последний путь к отступлению. Хозяин дома прошел в центр комнаты, встав между сжимающимся от неловкости Яковым и двумя застывшими в черных одеяниях женщинами.

Амар посмотрел на жену.

— Хадиджа, Бахрия, — его голос звучал глубоко и торжественно, словно он читал молитву. — Сегодня мир за нашими стенами сошел с ума: люди убивают друг друга, разрушают дома, забывают о том, что значит быть человеком.

Он положил широкую ладонь на испачканное пеплом плечо Якова.

— Этот человек потерял сегодня все, что имел. Но он не потерял семью, потому что его семья теперь — это мы.

Женщины в черном не шевелились. Луна прижала руки к груди, чувствуя, как колотится ее сердце, и понимая цену того, что сейчас происходит. Для ортодоксальной мусульманской общины Сараева, где каждое слово соседей имело вес, а традиции передавались из поколения в поколение без изменений, слова Амара были не просто нарушением правил — это был переворот.

— Яков — наш брат, — чеканя каждое слово, произнес Амар в абсолютной тишине комнаты. — Отныне вы можете ходить перед ним с открытыми лицами. Он член нашей семьи, никаких преград больше нет.

Секунды, последовавшие за этими словами, растянулись в вечность. Яков не смел поднять глаз, он смотрел на сложный геометрический узор ковра, чувствуя, как к горлу подступает горячий ком.

Шуршание плотной ткани нарушило тишину.

Медленным, изящным движением Хадиджа подняла обе руки к голове. Ее тонкие пальцы, украшенные серебряными кольцами, взялись за края черной чадры. Без единого слова, без малейшего колебания она откинула плотную ткань назад, позволяя ей тяжелыми складками упасть на плечи.

Следом за ней то же самое движение повторила Бахрия.

Лица женщин открылись. В их чертах не было ни страха, ни смущения, только спокойное достоинство и бесконечное сострадание. Хадиджа, женщина с теплыми карими глазами и мягкой линией губ, смотрела прямо на измученного, покрытого грязью еврея, стоящего посреди ее гостиной.

Она сделала шаг вперед, бесшумно ступая босыми ногами по шерстяному ворсу.

— Яков, — голос Хадиджи был мягким, как вода в шадраване, но в нем звучала та же непреклонная сила, что и у ее мужа. — Ты наш брат.

Она перевела взгляд на Луну, по щекам которой снова покатались слезы, и на испуганного мальчика.

— Наши дети тоже похожи. Фатима сейчас спит наверху, но она будет рада, когда проснется и увидит Натана. Чувствуйте себя как дома. Все, что у нас есть, с этого дня также является вашим.

Только после этих слов напряжение, сковывавшее тело фабриканта с самого утра, когда первая бомба разорвала небо над городом, наконец отпустило. Колени Якова подогнулись, и лишь крепкая хватка Амара за локоть не дала ему упасть.

Бахрия бесшумно скользнула в соседнюю комнату и через минуту вернулась, неся в руках стопку чистой мужской одежды — рубашку из плотного хлопка и широкие брюки. — Вода нагрета, — тихо сказала она. — Ванная комната в конце коридора. Оставьте свою старую одежду там — мы ее сожжем. Хадиджа тем временем подошла к небольшому медному подносу. Звон фарфоровых чашек наполнил гостиную успокаивающим, домашним звуком. Из высокого медного кувшина она налила крепкий, обжигающе горячий чай, пар от которого медленно поднялся к резному деревянному потолку.

Луна, больше не в силах сдерживать эмоции, шагнула к Хадидже и крепко обняла ее. Мусульманка ответила на объятие, глядя плачущую женщину по спутанным волосам и не обращая внимания на то, что сажа пачкает ее чистое домашнее платье.

Натан сидел на ковре, переводя взгляд с отца, который впервые за день перестал дрожать, на этих странных, но добрых людей. Медный подсвечник лежал рядом с ним, отражая тусклый свет, пробивавшийся сквозь витражные окна. Из глубокой тени в углу гостиной бесшумно выскользнула маленькая девочка в ярких шароварах. Это была Фатима, дочь Амара и Хадиджи. Словно не замечая царившей вокруг взрослой торжественности, девочка подбежала к Натану и ловко примостилась рядом на ковер. Ее глаза радостно блеснули. Не говоря ни слова, она крепко обняла мальчика, а затем нетерпеливо потянула за руку, увлекая за собой подальше от тяжёлых разговоров — туда, где на большом сундуке ждали тряпичные куклы и деревянные кубики. Мальчик бросил быстрый взгляд на отца, и Яков, едва заметно улыбнувшись одними глазами, кивнул, позволяя сыну побыть просто ребенком.

Чай обжигал губы, но этот жар возвращал к жизни. Яков держал чашку обеими руками, чувствуя, как тепло проникает под кожу и вытесняет холодный ужас разрушенной улицы.

Стены дома Бегичей были толстыми и надежно глушили звуки внешнего мира. Никто из сидящих в этой уютной, пахнущей розовым маслом гостиной пока не знал, что прямо в эти минуты, всего в нескольких десятках метров от их убежища, на противоположной стороне улицы кованые сапоги немецких офицеров уже выбивали пыль из ковров оккупированного здания. Но внутри харемлука, где рухнули вековые правила ради спасения человеческой жизни, в это мгновение существовали только горячий чай, чистая одежда и абсолютная, безусловная защита. Защита, которая началась с шага через порог и откинутой черной ткани.

Глава 2

Окна напротив

Узкая щель между деревянными жалюзи делила мир на тонкие полосы. В одной из таких полос, прямо на уровне глаз Якова, чернели свежие типографские буквы. Влажный клейстер еще блестел в лучах утреннего солнца, стекая по серой штукатурке здания на противоположной стороне улицы. Двое солдат в мышиного цвета форме только что закончили разглаживать бумагу широкими кистями и теперь закуривали, лениво переговариваясь.

Текст на плакате читался безукоризненно ясно, несмотря на расстояние в пару десятков метров. Крупный готический шрифт не оставлял пространства для двойных толкований: смертная казнь на месте за укрытие евреев.

Яков отступил от окна, почувствовав, как по спине поползла холодная испарина. Спальня на втором этаже дома Бегичей, отведенная им Амаром, казалась безопасной крепостью, но эта безопасность была иллюзорной. Прямо через дорогу, в бывшем административном здании с массивными колоннами, нацисты организовали региональный штаб. Над парадным входом теперь тяжело обвисало красное полотнище с черной свастикой в белом круге. Из окон, где раньше сидели городские клерки, теперь доносился отрывистый лай команд на немецком языке.

Взгляд бывшего фабриканта упал на собственные руки. Ожоги и содранная кожа на ладонях начали подживать, покрывшись жесткими корками, но внутренние раны кровоточили непрерывно. Чувство потери своего места в привычном мире оказалось ошеломляющим, сбивающим с ног. Еще несколько недель назад он, Яков Кайон, был уважаемым коммерсантом — с ним здоровались на улицах, его мнение имело вес в деловых кругах Сараева, а двери банков всегда были открыты. Теперь же его семью просто вычеркнули из списка людей. Невидимая рука навесила на них клеймо изгоев, лишив права на существование.

Самым невыносимым было осознание того, какой опасности он подвергает Амара и его близких. Каждый кусок хлеба, съеденный в этом доме, каждая ночь, проведенная под этой крышей, могли стоить жизни тем, кто проявил к ним абсолютное милосердие.

Скрип половицы заставил его обернуться. Луна бесшумно подошла сзади и положила руку ему на плечо. Ее лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени. Женщина проследила за взглядом мужа, устремленным на щель в ставнях, и судорожно вздохнула.

Для них, взрослых, статус бесправных беглецов был тяжелым испытанием, но настоящей пыткой стал страх за сына. Опыт других семей, слухи о которых уже расползались по оккупированному городу, доказывал: в любой момент патруль или служба опеки нового режима могли выломать дверь и забрать детей. Эта пугающая неизвестность ломала волю сильнее голода или бомбежек. Натан, всегда активный и смеющийся мальчик, теперь часами сидел в углу комнаты и вздрагивал от каждого громкого звука на улице, несмотря на все попытки Фатимы расшевелить его.

Ночь приносила не облегчение, а новый виток ледящего ужаса. Когда город погружался во тьму и смолкал гул военных грузовиков, из здания напротив начинали доноситься звуки, от которых стыла кровь. Сначала это были глухие удары, затем — монотонные вопросы на

немцем, а потом тишину разрывали истошные вопли. Допрашиваемые кричали страшно, срывая голоса, умоляя о пощаде или просто воя от невыносимой боли.

В такие моменты Луна бросалась к кровати сына. Она ложилась рядом с Натаном, крепко прижимала его голову к своей груди и накрывала ухо мальчика тяжелой перьевой подушкой. Сама она зажмуривалась, кусая губы до крови, лишь бы не закричать вместе с теми, кого пытали через дорогу. Яков в эти часы сидел на полу у стены, обхватив голову руками, чувствуя себя абсолютно беспомощным. Каменные стены дома Бегичей не могли защитить их от этого акустического кошмара.

В одну из таких ночей, когда очередной крик оборвался на высокой ноте и сменился зловещей тишиной, в дверь спальни тихо поскреблись.

Яков мгновенно вскочил, схватив тяжелый бронзовый светильник — единственное доступное оружие в комнате. Дверная ручка медленно повернулась. В образовавшуюся щель скользнула полоска желтого света от керосиновой лампы, а затем в комнату вошел Мустафа, младший брат Амара.

Его шаги были совершенно беззвучны. В руках мужчина держал громоздкий предмет, плотно замотанный в старое шерстяное одеяло.

— Опusti это, Яков, — шепотом произнес Мустафа, кивнув на занесенный светильник. — Здесь только я.

Гость подошел к низкому деревянному столику в центре комнаты и осторожно поставил свою ношу. Ткань соскользнула, обнажив черный, блестящий металл массивной печатной машинки «Ундервуд». Рядом Мустафа положил стопку плотной бумаги с водяными знаками и несколько резиновых штампов.

Луна приподнялась на кровати, стараясь не разбудить спящего Натана, уши которого по-прежнему были закрыты подушкой.

— Что это? — одними губами спросил Яков, подходя ближе к столу. Запах типографской краски и машинного масла ударил в ноздри.

Мустафа прикрутил фитиль лампы, делая свет еще более тусклым. Его обычно добродушное лицо сейчас выглядело суровым и сосредоточенным.

— Ваше спасение, — так же тихо ответил Мустафа. Он провел пальцем по клавишам машинки, словно проверяя их ход. — Сидеть здесь бесконечно вы не сможете — гестапо уже начало поквартирные обходы. Ищут радиопередатчики, оружие и... таких, как вы. Завтра или послезавтра они доберутся до нашего квартала.

Слова Мустафы повисли в спертom воздухе комнаты тяжелым свинцовым грузом.

— Ты хочешь, чтобы мы ушли? — голос Якова дрогнул. Он понимал правоту друга, но улица за окном означала верную смерть.

— Я хочу, чтобы вы выжили. А для этого вам нужны новые имена.

Мустафа взял один из бланков и протянул его Якову. Это была пустая форма паспорта независимого государства Хорватия. Качественная бумага, точные гербы, правильные графы.

— Моя официальная работа в муниципалитете дает доступ к архивам и печатям, — продолжил Мустафа, не поднимая голоса. — Ночью я делаю то, за что днем расстреливают. Мы выпишем вам фальшивые документы — христианские или мусульманские — решим позже. Главное сейчас — подготовить бланки. Я буду печатать в подвале, там толстые стены, звук клавиш не пройдет наверх.

Яков смотрел на пустой бланк в своих руках. Бумага казалась обжигающе горячей. Этот человек, рискуя собственной жизнью и жизнью своей жены Бахрии, ночами подделывал документы, чтобы спасти чужую семью. Благодарность, смешанная с острым чувством вины, сдавила горло так сильно, что Яков не смог вымолвить ни слова. Он лишь молча кивнул, возвращая листок.

Остаток ночи прошел в напряженном ожидании. Снизу, из-под пола, сквозь толстые ковры едва уловимо доносился мерный, приглушенный стук клавиш — Мустафа работал. Звуки попыток из здания напротив к утру стихли, сменившись кашлем заводимых автомобильных моторов.

Рассвет выдался серым и холодным. Луна только-только провалилась в тяжелый, беспокойный сон, когда тишину внутреннего двора разорвал грохот.

Удары были такой силы, что задрожали оконные стекла. Кто-то яростно колотил прикладами винтовок в массивные дубовые ворота дома Бегичей.

— Открывайте! Немедленно откройте дверь! — гортанный крик с улицы заставил Натана с криком проснуться и сесть на кровати.

Яков метнулся к окну, приникнув к щели в ставнях. Возле ворот стоял немецкий патруль — четверо солдат с карабинами и высокий офицер в фуражке с высокой тульей. Один из солдат снова занес приклад для удара.

Дверь спальни распахнулась настежь, на пороге стоял Амар. На нем была лишь рубашка поверх домашних штанов, волосы растрепаны, но движения оставались четкими и выверенными.

— Быстро! За мной! — скомандовал он, не тратя времени на объяснения.

Луна схватила сына на руки и мигом выскользнула из комнаты. Яков бросился следом. Стуча босыми ногами по дереву, они пронеслись по лестнице на первый этаж. В прихожей уже стоял Мустафа, прячущий под ковер какие-то бумаги. Лица женщин, Хадиджи и Бахрии, были бледными, они молча стояли у стены, готовые в любой момент накинуть чадры.

Стук в ворота повторился, на этот раз сопровождаемый угрозой выломать замки.

Амар подбежал к огромному, занимающему половину стены платяному шкафу из темного кедра. Распахнув тяжелые резные дверцы, он начал яростно раздвигать в стороны висящие там вещи.

— Залезайте в самую глубину, к задней стенке, — прохрипел хозяин дома, подталкивая Якова в спину.

Внутри шкафа было темно и тесно. Густой, удушливый запах нафталина мгновенно забил легкие. Яков протиснулся первым, увлекая за собой жену и сына. Луна прижала Натана к себе, укрыв его голову полами чьего-то длинного драпового пальто.

— Ни звука, что бы ни происходило, — лицо Амара на секунду появилось в проеме, после чего створки с глухим щелчком закрылись.

Абсолютная темнота обрушилась на них. Пространства едва хватало, чтобы стоять, прижавшись друг к другу. Яков чувствовал, как бешено колотится сердце жены, прижатой к его груди. В щель между дверцами пробивалась тонкая, как лезвие бритвы, полоска света.

Снаружи послышался лязг отодвигаемого засова. Ворота скрипнули.

Тяжелые, подкованные металлом сапоги застучали по каменным плитам двора, а затем и по деревянному полу прихожей. Голоса звучали громко, по-хозяйски уверенно.

— Доброе утро. Плановый осмотр, — голос немецкого офицера был сухим, с легким презрительным оттенком. Он говорил по-сербскохорватски с сильным акцентом. — Поступил сигнал о нелегальных радиопередатчиках в этом квартале. Кто хозяин дома?

— Я хозяин, господин офицер. Амар Бегич. Мой дом открыт для проверки, — голос Амара звучал ровно, с достоинством человека, которому нечего скрывать.

Шаги приблизились к комнате, где стоял шкаф. Яков затаил дыхание. Сквозь полоску света он видел, как по персидскому ковру прошли блестящие черные сапоги.

Офицер медленно расхаживал по гостиной. В тишине раздавался ритмичный, раздражающий звук — немец похлопывал коротким кожаным стеклом по голенищу сапога. Шлеп. Шлеп.

Затем звук изменился — стек начал постукивать по мебели. Сухой треск кожи о полированное дерево комода, звон задетой вазы.

— Большой дом для одной семьи, Бегич, — протянул немец. — Сколько человек здесь проживает?

— Пятеро, господин офицер. Я, моя жена, дочь, мой брат Мустафа и его супруга.

— Пятеро... — сапоги остановились прямо напротив кедрового шкафа.

Внутри убежища воздух стремительно заканчивался. Нафталин разъедал слизистую. Яков почувствовал, как Натан в руках Луны начал судорожно втягивать воздух. Горло мальчика щекотало, грудная клетка ходила ходуном — он готовился закашляться. Луна в панике зажала сыну рот ладонью, с ужасом глядя на мужа в темноте.

Стук стека раздался в нескольких сантиметрах от лица Якова. Офицер ударил хлыстом прямо по резной дверце шкафа, дерево глухо отозвалось.

— А здесь что? — голос немца прозвучал так близко, будто он стоял внутри вместе с ними.

Натан задергался, пытаясь вдохнуть. Кашель рвался наружу, разрывая маленькие легкие. Яков закрыл глаза, готовясь к неизбежному: если дверцы откроются, их расстреляют прямо во дворе. Всю семью Бегичей поставят к стенке рядом с ними.

— Зимние вещи, господин офицер, — непринужденно раздался голос Мустафы с другого конца комнаты. — Старые пальто, ковры... ничего интересного. Зато у меня есть домовая книга со всеми печатями комендатуры, извольте взглянуть.

Сапоги не сдвинулись с места. Стек снова неспешно постучал по дверце шкафа.

— Домовая книга... Бумаги можно подделать, — хмыкнул офицер.

— Верно. Но печати вашего ведомства подделать невозможно, — мягко парировал Мустафа. Звякнула фарфоровая посуда. — Моя супруга как раз сварила свежий кофе — не желаете ли чашечку, пока изучаете документы? Утро выдалось холодным.

Аромат свежесваренного кофе, густой и терпкий, начал пробиваться даже сквозь вонь нафталина. Это был запах мирной жизни, запах уюта, который Мустафа использовал как щит.

Яков чувствовал, как пальцы Луны впились в его плечо. Натан посинел, его глаза были широко открыты в темноте, слезы текли по щекам. Мальчик не мог больше сдерживать спазм.

Офицер перенес вес с одной ноги на другую. Полоска света на мгновение перекрылась тенью от его фуражки. Рука в кожаной перчатке легла на медную ручку шкафа, металл тихо звякнул.

В комнате повисла абсолютная тишина, нарушаемая лишь тихим бульканьем кофе в джезве, которую Мустафа держал над подносом.

Глава 3

Звезда под шелком

Горячая кофейная гуща с громким шипением выплеснулась на раскаленный металл подноса. Резкий, густой запах жженого сахара и кардамона мгновенно заполнил пространство гостиной, перебивая въедливую вонь старой древесины.

Немецкий офицер инстинктивно отдернул руку от дверцы кедрового исполина, кожаная перчатка так и не успела повернуть медную ручку.

— Тысяча извинений, господин офицер, — голос Мустафы звучал ровно и почтительно, хотя его пальцы, сжимавшие длинную рукоять джезвы, побелели от напряжения. — Клапан у этого примуса заедает, пламя вспыхнуло слишком ярко. Ваш кофе готов — настоящий турецкий — большая редкость в эти дни.

Мужчина в сером мундире брезгливо отряхнул рукав, хотя на сукно не попало ни капли. Взгляд холодных светлых глаз скользнул от темного дерева шкафа к дымящейся фарфоровой чашке, а затем переместился на открытую домовую книгу, лежащую на низком столике. Безупречные фиолетовые штампы муниципалитета свежими оттисками подтверждали каждое слово хозяев дома.

Офицер сделал короткий шаг к столу. Подняв чашку, он сделал один осторожный глоток, поморщился от обжигающей крепости напитка и с глухим стуком поставил фарфор обратно на поднос.

— Благодарю за гостеприимство, герр Бегич, — сухо произнес немец, поправляя фуражку. — Если заметите подозрительную активность или услышите работу вражеского передатчика в соседних дворах, ваш долг — немедленно сообщить в комендатуру.

Тяжелые подкованные сапоги развернулись к выходу. Спустя минуту лязг входных ворот возвестил о том, что патруль покинул внутренний двор.

Как только шаги стихли на брусчатке улицы, Амар бросился к шкафу и рывком распахнул створки. Яков буквально вывалился наружу, хватая ртом воздух. Его лицо приобрело землистый оттенок, а рубашка на спине насквозь промокла от холодного пота. Следом, спотыкаясь о подолы висящих пальто, выбралась Луна. Натан в ее руках обмяк, тяжело и прерывисто дыша; кашель, который мальчик сдерживал из последних сил, наконец прорвался глухими, болезненными спазмами.

Вечером того же дня на выскобленных добела досках кухонного стола легли две небольшие книжицы. Свежие чернила на плотной бумаге еще слегка поблескивали в желтоватом свете керосиновой лампы.

Мустафа аккуратно разгладил страницы, пододвигая документы ближе к сидящей напротив Луне.

— Вот ваша новая жизнь, — тихо произнес служащий муниципалитета. В полумраке кухни его лицо казалось высеченным из камня. — Здесь указано, что вы — Лейла Халилович, вдова из пригорода. А это ваш сын, Тарик.

Женщина дрожащими пальцами коснулась фальшивого паспорта. Печати Независимого государства Хорватия выглядели как настоящие. Идеально подделанные подписи. Правильные номера бланков. Эти несколько граммов целлюлозы сейчас стоили больше, чем все золото разрушенного Сараева.

— Ваш маршрут пролегает на юг, — продолжил Мустафа, разворачивая небольшую карту. — Вы едете к дальним родственникам в Мостар. Город находится под контролем итальянских войск, там несравнимо безопаснее. Усташи не осмеливаются проводить там свои кровавые чистки с такой наглостью, как здесь, под крылом гестапо. Итальянцы закрывают глаза на многое, если бумаги в порядке.

Яков, стоявший у окна с плотно задернутыми шторами, медленно повернулся к столу. Его взгляд был прикован к двум зеленым обложкам.

— А где третий паспорт, Мустафа? — голос фабриканта прозвучал глухо, словно из-под земли.

Брат Амара отвел глаза, собирая со стола обрезки бумаги.

— Третий пока не готов, я смогу подготовить его не раньше следующей недели. Но ждать нельзя: немцы вернутся с повторным обыском — это лишь вопрос времени. Сегодня нам повезло с кофе, завтра они просто выломают двери. Луна и Натан должны уехать завтра утром.

— Я никуда не поеду без тебя, — Луна вскочила с табурета, едва не опрокинув лампу. Ее глаза наполнились слезами. — Мы семья, Яков, мы пережили бомбежку вместе, мы спасемся вместе. Я подожду неделю.

— Остановись, Луна, — жестко, с непрекесаемой твердостью в голосе приказал муж. Он подошел вплотную к жене и взял ее за плечи. — Посмотри на меня, внимательно посмотри.

В тусклом свете проявились резкие черты его лица, темные густые брови, характерный профиль.

— Моя внешность — это приговор, — произнес Яков, чеканя каждое слово. — Ни один патруль — ни хорватский, ни немецкий — не поверит, что я мусульманин по фамилии Халилович. Меня остановят на первом же кордоне, заставят снять штаны для проверки — и на

этом все закончится. Если я поеду с вами без идеальных, железобетонных бумаг, я погублю вас обоих — мое присутствие привлечет к вам внимание.

— Но как же ты... — губы женщины задрожали.

— Я останусь. Мустафа сделает мне документы позже, и я найду способ выбраться. А сейчас ты должна спасти нашего сына. Это не обсуждается.

Спор оборвался, не успев набрать силу. В глазах Якова читалась та же отчаянная решимость, с которой он недавно голыми руками разгребал горящие кирпичи своей фабрики. Луна опустила обратно на табурет, закрыв лицо руками. Тихий плач смешался с завыванием холодного весеннего ветра в печной трубе.

Утром сборы проходили в абсолютном молчании. В спальне на втором этаже Хадиджа открыла старинный деревянный сундук. На спинке стула висело демисезонное пальто Луны, на левой стороне которого кричащим пятном выделялась грубо пришитая шестиконечная звезда из желтой ткани. Края лоскута были неровными — Луна пришивала этот знак позора дрожащими руками еще в первые дни оккупации, подчиняясь бесчеловечному приказу новых властей.

Хадиджа бережно сняла со своих плеч плотную черную чадру. Отрез тяжелого, непроницаемого шелка мягко скользнул по ее рукам.

— Иди ко мне, сестра, — позвала мусульманка.

Луна подошла, послушно опустив руки по швам. Хадиджа набросила ткань на голову подруги, движения хозяйки дома были выверенными и нежными. Она тщательно расправила складки так, чтобы черный шелк полностью накрыл плечи и грудь, надежно пряча под собой желтую звезду Давида. Ткань легла плотным каскадом, скрывая фигуру, волосы и нижнюю часть лица, оставив открытыми только глаза.

Одежда, которая столетиями служила символом строгих религиозных ограничений и закрытости от внешнего мира, в это утро превратилась в непробиваемый щит. Под покровом этой чадры исчезала измученная еврейская беженка, уступая место благочестивой мусульманской вдове Лейле.

— Держи спину прямо, — напутствовала Хадиджа, закрепляя края ткани скрытой булавкой. — Не опускай взгляд слишком низко, но и не смотри солдатам прямо в глаза. Твоя сила сейчас в скромности и молчании.

В темном коридоре первого этажа, у самых дверей, ведущих во внутренний двор, стояли Яков и Натан. Мальчик был одет в чужую, чуть великоватую ему куртку. На его голове криво сидела старая кепка, надвинутая на самые брови.

Отец опустился на одно колено, чтобы оказаться на одном уровне с сыном, сунул руку в карман своих брюк и достал тяжелые серебряные карманные часы на прочной цепочке. Крышка была слегка помята после обрушения дома, но механизм внутри продолжал ритмично и уверенно отсчитывать секунды.

Крепкие мужские пальцы вложили холодный металл в маленькую детскую ладошку.

— Слушай меня внимательно, Натан, — прошептал Яков, сжимая руку сына. — Ты теперь старший мужчина в семье и должен заботиться о маме. Никому не называй своего настоящего имени — для всех ты Тарик. Понял?

Мальчик судорожно кивнул, шмыгнув носом. Его пальцы крепко сжали серебряный корпус часов.

— Я найду вас, — голос отца на мгновение дрогнул, но он быстро взял себя в руки. — Обещаю. А пока береги эти часы, заводи их каждый вечер, чтобы они не останавливались.

Луна, шурша тяжелым шелком, спустилась по лестнице и подошла к мужу. Из-под черной ткани виднелись только ее глаза — покрасневшие, полные невыносимой боли расставания. Яков обнял жену, чувствуя сквозь плотную ткань чадры, как дрожит ее тело. Слова были излишни. Железнодорожный вокзал Сараева встретил беглецов густым едким дымом угольных

топок. На перроне царило невообразимое столпотворение. Сотни людей с узлами, чемоданами и корзинами штурмовали вагоны. Плакали дети, ругались торговцы, шипел выпускаемый из котлов локомотивов пар.

Мустафа шел чуть впереди, прокладывая дорогу сквозь толпу. Его уверенная походка и строгий костюм заставляли людей инстинктивно расступаться. Луна следовала за ним шаг в шаг, крепко сжимая руку Натана. Мальчик жался к материнской юбке, оглушенный шумом и напуганный обилием военной формы вокруг.

Посадка на поезд, следующий до Мостара, контролировалась жестко. Перед узкими ступенями вагона выстроился кордон. Итальянские солдаты в серо-зеленой форме, с характерными черными перьями глухаря на касках, методично проверяли проездные документы у каждого пассажира. В отличие от нервных и агрессивных усташей, итальянцы действовали спокойно, но дотошно.

Очередь продвигалась медленно. С каждым шагом к вагону сердце Луны билось все сильнее, грозя вырваться из груди. Желтая звезда под слоями черного шелка, казалось, жгла кожу раскаленным клеем.

— Документы, пожалуйста, — раздался ленивый, но властный голос.

Путь преградил высокий итальянский патрульный с винтовкой на плече, загорелое лицо которого выражало крайнюю степень усталости от этой бесконечной толпы.

Мустафа молча протянул два зеленых паспорта. Солдат взял книжицы, небрежно перелистнул страницы, сверяя печати. Затем его взгляд переместился на женщину, закутанную в черном.

В Европе шла война, шпиономания достигала абсурдных масштабов, и закрытое лицо всегда вызывало подозрения. Патрульный сделал шаг вперед, сокращая дистанцию.

— Имя? — требовательно спросил итальянец, глядя прямо в глаза Луне.

Воздух в легких женщины превратился в битое стекло. Она открыла рот, но горло перехватило спазмом. Секундная заминка показалась вечностью.

Мустафа не сдвинулся с места, но его поза неуловимо изменилась. Он выпрямился, расправил плечи и посмотрел на солдата тяжелым, исполненным ледяного достоинства взглядом. В этом взгляде читалось вековое право мусульманского мужчины защищать честь своей семьи от посягательств чужаков. Он не произнес ни слова протеста, не потянулся к оружию, но вся его фигура излучала такую уверенность в своей правоте, что патрульный невольно заколебался.

— Лейла... Лейла Халилович, — наконец выдавила из себя Луна. Ее голос звучал приглушенно из-за плотной ткани, но достаточно твердо. — А это мой сын, Тарик.

Солдат перевел взгляд с закутанной женщины на непреклонного Мустафу. Связываться со строгими религиозными обычаями местных жителей итальянскому командованию было строжайше запрещено во избежание бунтов в тылу. Рисковать спокойствием на перроне ради проверки одной вдовы патрульный не захотел.

Громко хлопнув обложками, итальянец вернул паспорта Мустафе и махнул рукой в сторону открытых дверей вагона.

— Пожалуйста. Проходите.

Луна подхватила Натана на руки и буквально взлетела по железным ступеням в спасительный полумрак тамбура.

Протяжный гудок паровоза разорвал шум вокзала, заглушая крики провожающих. Тяжелые стальные колеса лязгнули, с трудом проворачиваясь на рельсах. Вагон дернулся, заскрипел сцепками и медленно поплыл вдоль платформы.

Сквозь грязное, покрытое копотью стекло, Луна смотрела на остающийся позади перрон. Мустафа стоял у края платформы, заложив руки за спину. На его лице не было ни тени улыбки, только глубочайшее облегчение человека, успешно выполнившего свой долг.

Поезд набирал скорость. Густые клубы белого пара окутали станцию, скрывая из виду солдат, носильщиков и каменные своды здания. Фигура Мустафы размылась в этом тумане, а затем окончательно растворилась в бурлящей толпе. Теперь их сопровождал лишь мерный стук колес, уносящих мать и сына прочь от верной смерти.

Глава 4

Рука помощи

Зима тысяча девятьсот сорок первого года обрушилась на Сараево безжалостными снегопадами, превратив разрушенные апрельскими бомбежками улицы в глухие ледяные лабиринты. Подвал, ставший временным пристанищем для Якова в последние несколько дней, не имел ни целых дверей, ни уцелевших оконных рам. Гуляющий сквозняк методично наметал колючие сугробы прямо на битое стекло витрин, осколки фарфоровых ступок и растоптанные картонные коробки из-под медикаментов.

Оставаться в доме Бегичей дольше было слишком опасно. Каждая лишняя ночь под их гостеприимной крышей увеличивала риск для Амара и его семьи в геометрической прогрессии. Гестапо и местные пособники оккупантов резко ужесточили квартирные обходы, и обнаружение взрослого мужчины без надежных документов означало бы немедленный расстрел для всех обитателей дома, включая женщин. Яков ушел тихо, растворившись в ночных тенях, предпочтя ледяной холод подворотен теплой, но смертельно опасной спальне. Решение далось тяжело, но мысль о том, что его присутствие может погубить людей, подаривших его жене и сыну шанс на спасение, жгла изнутри сильнее любого мороза.

Жажда мучила беглеца гораздо сильнее голода. Вода в ржавом водопроводе под потолком аптеки замерзла еще двое суток назад, разорвав толстую чугунную трубу по продольному шву. Попытки растопить грязный снег во рту приводили лишь к тому, что губы трескались до глубоких кровоточащих ран, а горло сводило болезненными, режущими спазмами.

Ранним утром скрип промерзших половиц где-то в глубине дома заставил Якова замереть. Шаги звучали тяжело, но отдаленно и постепенно затихли. Мужчина медленно поднялся с импровизированной постели из старых джутовых мешков, стараясь не задеть ботинками стеклянное крошево. Выход из подвала вел в узкий внутренний двор, плотно заваленный обломками обгоревшего кирпича.

Морозный воздух обжег воспаленные легкие, когда беглец осторожно выглянул из-за угла полуразрушенной стены. Улица казалась совершенно пустой. Серое, тяжелое небо низко нависало над черепичными крышами, обещая городу новый затяжной снегопад. Яков сделал несколько быстрых шагов к уцелевшей муниципальной водопроводной колонке на углу перекрестка. Чугунный рычаг покрылся толстой, непробиваемой коркой льда.

Глухой, металлический удар автомобильной дверцы прозвучал в утренней тишине как ружейный выстрел.

Черный легковой автомобиль с выключенными фарами бесшумно выкатился из соседнего узкого переулка, безжалостно перерезая путь к отступлению. Трое мужчин в темной форме выпрыгнули на скользкую брусчатку прежде, чем машина успела полностью остановиться. Усташи. Бойцы хорватской профашистской милиции отличались от регулярных немецких частей особой, демонстративной жестокостью и абсолютной непредсказуемостью. На их пилотках тускло блестела металлическая буква «U».

Бежать было некуда: сзади возвышалась глухая стена сгоревшего дома, впереди стояли патрульные с карабинами наперевес, перекрывая единственный выход из каменного мешка.

— Стой, где стоишь, — скомандовал высокий офицер, небрежно поправляя скрипящую кожаную портупею. Его голос звучал хрипло, изо рта вырывались густые облачка пара. — Документы, живо!

Яков молча замер, медленно опустив руки по швам. Пустые карманы его потертой куртки не скрывали ничего, кроме горсти трухи от аптечных мешков. Отсутствие бумаг в это время суток и в этом районе приравнивалось к чистосердечному признанию в неблагонадежности.

— Глухой? Или от страха язык проглотил? — один из солдат шагнул вперед, с коротким замахом ударив тяжелым прикладом прямо в живот.

Боль ослепила, мгновенно выбив из легких остатки воздуха. Яков рухнул на обледенелую брусчатку, судорожно глотая ртом колющий снег и пытаясь восстановить дыхание. Мир сузился до размера черных армейских сапог, остановившихся в нескольких сантиметрах от его лица.

— Поднимите эту грязь, — брезгливо бросил офицер, делая шаг назад.

Двое патрульных грубым рывком поставили пленника на ноги, привычно заломив руки за спину. Командир патруля подошел вплотную. Взгляд холодных, водянистых глаз скользнул по лицу Якова, безошибочно считывая характерные черты, которые не могла скрыть ни многодневная густая щетина, ни слой въевшейся уличной сажи.

— Все с тобой ясно, — криво усмехнулся усташ, неторопливо расстегивая кобуру на поясе. — К стене его, лицом к кирпичам.

Лязг передергиваемого затвора прозвучал оглушительно громко. Яков послушно повернулся к стене и прикрыл глаза. Дикого страха парадоксальным образом не было — осталась только глухая, тягучая тоска по Луне и Натану. Они сейчас должны быть далеко, в безопасности, под защитой итальянских войск. Эта единственная мысль принесла странное, почти наркотическое успокоение перед неизбежным финалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.